

— Если никто не собирается толкать речь, я, пожалуй, начну? — Цяо Сыци, исходивший слюной, больше не мог терпеть. Палочки в его руках уже несколько раз едва не рванули в тарелки самостоятельно.

Ло Гэн с хрустом откусил огромный кусок маньтоу, вытянул палочки и ловко подцепил сразу три полоски баклажана. Не успели ребята и глазом моргнуть, как он вторым движением утащил приличный кусок вырезки. Скорость его рук превосходила всякие человеческие пределы.

Цяо Сыци только вздохнул: и зачем он вообще спросил!

Заразительный пример подействовал мгновенно. Забыв о приличиях, ребята принялись за еду. Шестнадцать палочек замелькали в воздухе, сталкиваясь и перекрещиваясь в нешуточной борьбе за лучшие куски. Еда исчезала с тарелок со скоростью урагана.

Тук.

К середине трапезы все заметно сбавили темп — постоянно работать челюстями тоже устаешь. В затихающей кухне этот глухой стук прозвучал на редкость отчетливо.

Все замерли с пиалами в руках.

Тук, тук.

Раздалось еще два удара. Сун Фэй резко поднялся, в несколько шагов добрался до крайнего западного окна и осторожно приоткрыл щелку в жалюзи, вглядываясь в темноту.

Он уже приготовился увидеть ужасающую морду, но, к его удивлению, за окном не оказалось зомби. Там висел подозрительно знакомый белый дайкон, привязанный к концу импровизированной веревки из связанных пластиковых пакетов. Раскачиваясь из стороны в сторону, он мерно постукивал по стеклу.

На город опустились сумерки. Свет, пробивавшийся сквозь жалюзи, окутывал парящую в темноте редьку причудливым, немного жутковатым ореолом.

Напряжение спало. Сун Фэй с легким недоумением проскользнул за жалюзи, приоткрыл створку окна и, быстро высунув голову, приглушенно крикнул наверх:

— Что случилось? — Не дожидаясь ответа, он тут же юркнул обратно, захлопнул окно и повернул задвижку.

Сверху, кажется, опешили, а затем донесся тихий шепот:

— Посмотри на редьку!

Через стекло и без того тихий голос звучал едва различимо, но Сун Фэй, прижавшись ухом к оконной раме, сумел расслышать каждое слово. Он снова взглянул на пухлую белую редьку и только теперь заметил, что между обвязавшим ее пакетом и кожурой торчит сложенный клочок бумаги.

Сун Фэй снова приоткрыл окно, протянул руку, ловко перехватил редьку и вытащил записку. Надежно заперев окно, он выбрался из-за жалюзи и поднес бумажку к свету. Она была испещрена строчками. Вверху красовались две размашистые надписи крупными буквами,

которые почему-то были густо перечеркнуты, а ниже шел аккуратный, изящный текст:

«Спустился вечер, зажглись огни, и дивный аромат пленил сердца. Его благоухание манит нас, лишая сна. Желаем мы прислать кимбап взамен на малую толику ваших яств. Для вас то будет скромным угощением, для нас — лекарством от тоски по дому. Коль согласитесь вы, легонько постучите по редьке. За эту помощь в трудный час вовек мы будем благодарны вам».

Сун Фэй на мгновение задумался, а затем снова поднял бумажку, пытаясь разобрать зачеркнутые жирными черными линиями крупные буквы, в которых родная мать ничего бы не разглядела. Направив записку к лампе, он наконец расшифровал их слово за словом. Трудности добавлял и сам стиль почерка — размашистый и донельзя хаотичный, чью безумную энергетику не могли заглушить даже яростные росчерки ручки:

«Что вы там готовите? Запах по вытяжке поднялся, пахнет просто охренительно!»

— Что ты там высматриваешь?

Ребята, наблюдавшие за тем, как Сун Фэй то открывает, то закрывает окно, а теперь с загадочным видом разглядывает бумажку, закономерно заинтересовались происходящим.

— Похоже, со второго этажа почуяли запах нашей еды и хотят, чтобы мы поделились. — Не оборачиваясь, Сун Фэй бросил короткое объяснение. Общий смысл послания от 2-го класса был ясен, но некоторые детали он еще не до конца осмыслил, поэтому ответил мимоходом, продолжая изучать бумажку.

Ребята переглянулись, испытывая довольно смешанные чувства.

С одной стороны, раз однокурсники просят, поделиться едой вроде бы не жалко. Но времена-то изменились. Сегодня поделись, завтра поделись, а если это затянется на месяц-другой? Давать или нет? К тому же, прося о чем-то, прилично проявить вежливость. А тут: «Услышали запах, отсыпьте нам немного» — не слишком ли бесцеремонно?

Пока они предавались этим размышлениям, Ци Янь заметил, что Сун Фэй все еще стоит на прежнем месте, и удивленно спросил:

— Там же всего пара строчек, чего ты так долго над ними чахнешь?

— Кто сказал, что пара?

— ...

Сун Фэй, нахмурившись, подошел и протянул записку Ци Яню:

— Тут целый текст, написанный весьма заковыристо.

Ци Янь взял записку, быстро пробежал ее глазами и, заметив, что остальные тоже сторают от любопытства, протянул бумажку Ли Цзинью:

— Переведи-ка ты.

Как самый авторитетный знаток изящной словесности в 1-м классе ушэн, Ли Цзинью не подвел. Он внимательно изучил записку, а затем заговорил — тихо, неторопливо и с глубоким чувством:

— «В этот вечер, когда загораются огни, дивный аромат пробудил нас от оцепенения. Насыщенный запах домашней еды прилетел с ветром, растревожив наши души и наполнив их тоской. Мы готовы обменять наш кимбап на самую малость вашей горячей похлебки и блюд. Пусть заморские яства украсят ваш ужин, а мы, вкусив привычной домашней еды, сможем унять тоску по родине. Если вы согласны, постучите редькой по окошку. За эту своевременную помощь мы будем вам бесконечно благодарны!»

Голос Ли Цзиньюй затих в просторной кухне. Семь пар глаз медленно уставились на Сун Фэя.

Тот лишь развел руками:

— Ну я же говорил! Они просто хотят попросить поесть.

У боевых товарищей аж лица вытянулись:

— Твой пересказ и это письмо — небо и земля!

Ребята из 2-го класса вовсе не просили милостыню — они предлагали честный обмен, даже не думая о халыве. К тому же письмо было написано от души. Представив, как эти шестеро студентов и дальше будут перебиваться однообразным рационом из чужеземных блюд, бойцы 1-го класса преисполнились сочувствия.

Предложение о бартере одобрили единогласно. Пока Сун Фэй хватал редьку и стучал ею по стеклу, Линь Дилэй раскладывала по контейнерам суп и горячее. Вскоре сверток с кимбапом спустился вниз, а домашняя еда отправилась наверх. Обмен вышел честным, к обоюдному удовольствию сторон.

Закрыв окно, Сун Фэй понес кимбап к столу, но внезапно наступил в лужу от растаявшего снега, оставшуюся после игры в снежки. Потеряв равновесие, он плашмя полетел на пол!

Грохот.

Сун Фэю показалось, что от удара о пол у него грудная клетка всмятку разлетится.

Пакет с кимбапом вылетел из рук метра на два, но, к счастью, был завязан на совесть, так что обошлось без потерь.

Цяо Сыци поспешно вскочил, подошел... и поднял кимбап.

Ци Янь обошел Джонса, подошел к Сун Фэю и опустился рядом на корточки, помогая подняться:

— Ты цел?

Сун Фэй зашипел от боли и уже собирался было зануть, чтобы вызвать сочувствие, как вдруг его глаза лихорадочно блеснули. Отмахнувшись от руки Ци Яня, он прямо по-пластунски подполз к стоящему рядом стеллажу и прижался лицом к полу, заглядывая в узкую щель под нижней полкой.

Заинтригованный Ци Янь хотел было спросить, в чем дело, но Сун Фэй уже резво вскочил, подбежал к Чжоу Илюю и выпалил:

— Где твоя пушка?

Чжоу Илюй, как раз прихлебывавший суп, едва не поперхнулся. Лишь мгновение спустя до него дошло, что речь идет о его «суши-пушке». Он поспешно отыскал это длинное оружие для этого неугомонного товарища и торжественно вручил ему.

Сун Фэй без лишних слов схватил оружие, снова растянулся у стеллажа, засунул тонкий металлический стержень в щель и с силой провел им из стороны в сторону.

На свет выкатился черный пульт.

Ци Янь подобрал его, на секунду задумался, и в его глазах вспыхнула радость:

— От телевизора в зале?

Сун Фэй решительно кивнул:

— Наверняка!

На первом этаже школьной столовой висели два телевизора — в восточной и западной зонах зала. Во время обеда они волшебным образом включались и обычно транслировали либо новости, либо Первый канал. Экраны крепились высоко на несущих колоннах, так что обычные студенты могли лишь заирать головы и смотреть издалека. Дотянуться до них, не взбираясь на стол, было невозможно, не говоря уже о переключении каналов.

Поскольку большинство голодных студентов во время еды старались осознанно или неосознанно игнорировать этот поток правительственного позитива, со временем телевизоры в их восприятии буквально слились со стенами. Именно поэтому, только откопав пульт, Сун Фэй и остальные вспомнили: черт, в столовой же есть телевизоры!

Все мгновенно оживились. В сердцах, иссушенных отсутствием интернета, мобильной связи и стационарных телефонов, вновь вспыхнула искра надежды.

— Как думаете, — Сун Фэй изо всех сил постарался говорить спокойно, — при столь масштабном бедствии с вирусным заражением станет ли государство транслировать по телевизору новости или предупреждения?

Это был тонкий и в каком-то смысле даже щекотливый вопрос.

Ребята замялись, не зная, что ответить. Они не были ни оголтелыми бунтарями, ни урапатриотами, поэтому и не могли с ходу твердо заявить «конечно, да» или «точно нет».

— Думаю, станет, — ответил за всех Сун Фэй. В его глазах горела упрямая решимость. — И я хочу рискнуть.

Товарищи поняли его без слов. Он собирался выбежать в зал и включить телевизор. Он был готов рискнуть жизнью ради веры в свою страну.

На восемнадцатый день после вспышки зомби-волны, когда помощь так и не пришла.